

Л.Н. Большаков

"Я истины искал..."

Вместо вступления

1.

Григорий Винский... Кто такой? Личность не столь уж неизвестная. Есть об этом человеке в некоторых энциклопедиях; есть о нем и в "Советском энциклопедическом словаре": "Винский Григ. Степ. (1752 - после 1818), укр. дворянин, автор записок "Мое время", которые охватывают 2-ю половину 18 в. (укр. нар. быт, дворян. воспитание, столичная жизнь)".

Все? Энциклопедии немногословны, словари тем более. Там же, в "СЭС", статья об А.Н. Радищеве начинается отнюдь не так бесстрастно: "рус. рев. мыслитель, писатель, провозвестник рев. идей в России". В шестнадцать строк, понятное дело, жизненный подвиг автора "Путешествия из Петербурга в Москву" втиснуть непосильно. И если бы "Путешествие..." не было знакомо каждому из нас от лет школьных, если бы мы не читали и слышали о Радищеве на протяжении всей своей жизни, что тогда о нем знали? О Винском же энциклопедический словарь дает пять строк, а за ними никаких представлений у большинства. Разве что кто-то сумел прочесть названные записки "Мое время". Только публиковались они так давно! Журнально - в 1877-м, отдельно - в 1914-м...

В первых, самых первых абзацах Винский и Радищев оказались тут рядом. Случайно? Для меня - нет. Читателю послышалось противопоставление? Его не было и в мыслях моих. Соединение? Сближение? Против этого возражать не стану.

...Прочтите. Вслушайтесь. Вдумайтесь.

Речь идет о Екатерине II.

"...Екатерина в сих годах была самую деятельною. По преодолении первых

затруднений одной ее головы достаточно было изображать, располагать, давать наставления, по которым министры ее при европейских дворах начали выступать надежнейшими шагами. Внутренние дела находились в чудесном движении: Потемкин переиначивал войско, созидавая и разрушая все самопроизвольно;

Вяземский открывал непрестанно новые театры, то есть наместничества, которые, подавая случай в разных местах империи к пышным торжествам, поочередно отправляли ко двору с благодарениями депутации.

Императрица, плавающая радостно в море величия, назирая все своим оком как самодержица, утопая в сладострастии как человечица, переменяла без малейших оглядок своих любимцев и тогда утомляла уже шестого явного; учредив же утешников своей ненасытимыя похотливости важнейшими государственными чиновниками, ругалась бессовестно не только над своими подданными, но над целым, можно сказать, человечеством.

Тогда, наряду с другими, и я покланялся сим божкам. Не видел в них иного, кроме красоты, сияния, могущества. Теперь, по рассеянии тумана, когда люди и их деяния представляются мне в настоящем своем виде, я не могу довольно надивиться, как сих бесстыдных подлых мушино-б... не покрывали и не покрывают справедливо ими заслуженными бесчестьем и поношением? Бедная блудница, продающая себя, дабы не умереть с голоду, за деньги, презирается от всех и считается хуже самых злодеев. Благородный или сиятельный мушина-б..., продаваясь бесстыдной Мессалине, вместо поругания домогается общего почитания.

Где высокое чувство человеческого достоинства? Где нравственность? Где справедливость? Что религия, сильнейшее, по вашему, обуздание страстей, единственный бич пороков? Почто она молчит? Какой честный, чувствительный человек не вознегодует, видя, как ваш первосвященник лобызает бесстыдную жены руку, еще носящую, может быть, пятны блевотин ее любодеев?

О! как я рад, благодарен, что сия мужественная мысль есть собственная моя, возрожденная негодованием в моем мозгу!

Разъезжайте гордо на английских конях, овдовевшие Екатерины блудники! мечите с сияющих ваших колесниц нерадиво очи на пресмыкающуюся чернь! Знаю, что миллионы вас не разумеют, что тысячи вам поклоняются, сотни вам завидуют; но в глазах честных людей, но по самой справедливости вы не иное что как продажные б..., несравненно подлейшие, низшие кабацких потаскуш, поелику тех нужда несколько

извиняет; а вас?.. насильно себя погружавших в смрадную пропасть похотливый старухи, чем можно извинить?

Вечное проклятие ей, и всегдашнее поношение вам!.."

...Усомнились бы вы, узнав, что принадлежат эти строки Александру Николаевичу Радищеву? Полагаю, что нет.

На самом же деле написаны они Григорием Степановичем Винским и вошли в его записки "Мое время".

В публикации 1877 и 1914 годов они не входили.

2.

Много лет веду я свой "поиск по Винскому". В хронологии его жизни все меньше для меня лет "неопознанных" (хотя до конца прочитанных не так уж много). Две трети биографии документировано прежде всего "Моим временем", страницы которого в той или иной мере удалось подкрепить находками в архивах и книгах, сведениями прямыми и косвенными.

Родился он - скорее всего - в 1752-м, в Почепе - городке тогда украинском, а ныне брянском. Совсем рано потерял отца, мелкопоместного украинского дворянина, обрел отчима - сотника и... человека недоброго. Приходская школа в Баклани ("Проклятая поповщина! Где ты не злочинствовала?"), учение в Черниговской коллегии и Киевской академии, несколько месяцев в частном пансионе Стародуба, и на шестнадцатом году жизни его школьная наука закончилась. Началась служба. Сначала в родных местах, в Глухове, а потом в Петербурге, его Измайловском полку. И тотчас обнаружилось в нем отвращение к казарме, к муштре. Полковая служба столкнула его - лицом к лицу - с такими пороками, о которых он прежде не слыхивал. Юноша Винский, как и другие, ему подобные, немало "попутешествовал" - это его же слова - "по смердящим болотам распусти". Но сильнее всех соблазнов оказалась в нем любовь к наукам, к чтению. "По страсти к чтению, не трудно поверить, что я имел любопытство и то узнать, чего в книгах не печатали..." Узнавал от гвардейских офицеров, от тех, кто бывал за рубежами, от приезжающих в столицу "иностранцев и более французов". Все более влекли его к себе люди нравственные, свободомыслящие. За то, конечно, и попал под подозрение. И хотя никакого отношения к обнаруженной властями в 1779-м краже из государственной казны

Винский не имел, с необыкновенной легкостью был приписан к уголовному делу, по которому проходила целая группа дворянской молодежи (оказался там, между прочим, и Григорий Радищев - брат знаменитого в будущем писателя). Винского бросили в темноту тесной и сырой одиночки. Четырнадцать месяцев, даже больше, провел он в каземате, но "государственной преступности" своих деяний так и не постиг. Суда не было - приговор был, и суровый: вечная ссылка. В феврале 1780-го Винские (молодая жена разлучиться с ним отказалась) добрались до Оренбурга.

И потекли тяжелые годы неволи. Долгие годы странствий и "познания жизни. "Надобно быть допущену во внутренность домов дворянских,... дабы видеть все своевольтва ежедневно в сих вертепах..." В большинстве домов, убеждался он, тиранили дворовых - за малейшую провинность (и без всякой вины) устраивали им экзекуции. "Сколько раз я бывал заступником, ходатаем за таковых несчастных..." Утехой и усладой жизни стали для него книги. Первым захотел Винского "читать и рассуждать" Вольтер; он же первым натолкнул на мысль о переводах прочитанного на русский. Переводы получали распространение. Их читали в Симбирске и Казани, они добрались до самой Сибири. "Нередко по 12 часов в сутки я, как осужденный, переходил от перевода к истории, от себя к автору, к сочинению и пр., и пр..." Это помимо обязанностей учительских, занятий с малышами своими, рано лишившимися матери.

Лишь через четверть века после приговора долгие хлопоты увенчались амнистией. Но и дальше Винский оставался в краю многолетней ссылки. В Оренбург стекались новые и новые люди: одни - по собственной, другие - не по своей воле. К ним, дерзким в своих замыслах и делах, не повторявшим ортодоксальные "истины", а смотревшим далеко вперед, влекло его всего более. Здесь, в сердце далекой губернии, по-настоящему почувствовал он себя современником Н.И. Новикова и А.Н. Радищева. Здесь ощутил еще не остывшее дыхание прокатившейся по краю Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева и всю остроту новых событий, пиком которых стала Отечественная война 1812 года.

Тогда-то пришел Григорий Степанович Винский к мысли о Записках. Ему шестьдесят один год, но чувствует он себя в полной духовной силе: "О! я еще живу". И рождается главное произведение жизни - "Мое время"...

Скажу сразу: и в прошлом веке полный текст записок читали не многие. Первым, кто откликнулся на них публично, кто оценил этот труд в прессе, и оценил по достоинству, был не кто иной, как А.И. Тургенев.

Воинствующий гуманист, ярый враг крепостного права, друг декабристов и Пушкина, он всю свою жизнь оставался верен идеям свободы, равенства, братства, всю жизнь ненавидел - и активно ненавидел - деспотизм. Могли он ужиться в самодержавной России? Нет. И связав собственную судьбу с судьбой брата, Николая Тургенева, осужденного после восстания 1825 года на вечное изгнание, он почти двадцать лет - с небольшими перерывами - провел за границей. Из Франции, Германии, Англии, Италии, Швейцарии шли от него письма в Россию. С позиций передового русского человека рассказывал в них Александр Иванович о жизни Западной Европы, обо всем, что волновало его самого. "Хроника Русского" - под таким названием печатались они в пушкинском "Современнике", в "Москвитянине" и других изданиях. Но вот однажды, в 1845-м, в статье-письме из Парижа читатели "Москвитянина" встретили не европейский, а, напротив, чисто русский "сюжет". То были страницы о никому не ведомом тогда Винском, о его труде, дотоле совершенно неизвестном. "...Я прочел в одни сутки записи Винского "Мое время", - писал автор. - Эта рукопись уже 1/4 века у меня, и я в первый раз вполне прочел ее. Я не мог оторваться от книги..." Дальше Тургенев писал о сути рукописи, о том главном, что в ней вычитал. "Мы должны дорожить этою верною картиною старого быта русского: кто иной передаст нам его, особливо, в низшем или среднем слое общества, в коем жил, гнил и погибал Винский", - замечал он, обнажая и подчеркивая наиболее, с его точки зрения, существенное в реферируемом произведении. Не все журнал мог напечатать даже в изложении, не обо всем мог и упомянуть, а потому многоопытный публицист прибег к уловке: "просто назвал" отдельные главы, выделявшиеся у Винского наибольшей дерзостью разоблачения верхов и пороков. Например, "Русские Фоксы и Шериданы". Он как бы предвидел: полная публикация "Моего времени" в подцензурной печати России станет возможной не скоро, на пути к читателю рукопись подвергнется серьезнейшим "вмешательствам" и дальновидно подсказывал нам, людям далекого от него будущего, что первопубликации могут быть приглушенными, а коль так, то надо, непременно надо смотреть в корень и искать первоисточники.

"Предсмертный завет" А.И. Тургенева (в том же, 1845-м, году его не стало) оказался вещим. Произведение Винского продолжало жить в рукописных списках, а в

печати не появлялось.

Понадобилось тридцать два года, чтобы публикация состоялась. Доброе это дело осуществил редактор-издатель "Русского архива" неутомимый и вездесущий Петр Иванович Бартенев.

"Счастливым случай", - оповещал он читателей первой книги журнала за 1877 год, - доставил нам современную перебеленную рукопись этих Записок, о существовании которых мы знали до сих пор лишь по нижеследующим (они приводились дальше, отдельно - Л.Б.) строкам А.И. Тургенева... Винский, подобно Радищеву, изображает пороки великой государыни и темные стороны ее достославного царствования; но историк должен дорожить и этими отрицательными свидетельствами, которые, впрочем, и у того, и у другого вызваны житейскими неудачами и желчным мировоззрением, образовавшимся отчасти вследствие заблуждений и страстей молодости".

Подобно Радищеву... А его, Радищева, "Путешествие из Петербурга в Москву" всего за три с половиной года до того вновь оказалось на "плахе". Речь идет об издании, предпринятом П.А. Ефремовым и почти полностью уничтоженном в типографии нагрянувшей туда полицией. Скорее всего потому и счел Бартенев необходимыми оговорки о "житейских неудачах", "желчном мировоззрении" и "заблуждениях молодости" как у Радищева, так и у Винского. Для "отвода глаз"? для "смягчения цензуры"?.. "Умягчить" ее не удалось: в "Русском архиве" записки появились не полностью. Это бросалось в глаза уже при первом прочтении. Или, говоря точнее, при первом же сопоставлении прочитанного с изложением, сделанным Тургеневым. Не оказалось, будто и не было, "Фоксов и Шеридианов"; изрядные пропуски обнаруживались по ходу чтения в разных местах.

Для "первопечатника" Винского Бартенева было очевидным сходство "Моего времени" с радищевским "Путешествием..." Уже один из первых читателей записок - Н. Барышников из Орла - в письме к издателю позволил себе с этим не согласиться. Но Бартенев знал то, что публиковал, не в урезанном, а в полном виде...

"...Издатель "Р. Архива", - полемизировал с утверждениями Бартенева А.Н. Пытгин, - сравнивает мнение Винского с мнениями Радищева и думает, что эти отрицательные свидетельства о веке Екатерины у того и другого вызваны "житейскими неудачами и желчным мировоззрением, образовавшимся отчасти вследствие заблуждений и страстей молодости". Объяснение - слишком дешевое; Винский вовсе не был человек желчный,... его записки... замечательно правдивы... мы видим много

примеров его беспристрастия и не вправе приписывать ему побуждений какого-нибудь недоброжелательства и набрасывать тень на его показания. А.И. Тургенев лучше оценил записки Винского, чем их новейший издатель..."

Первый критик "Моего времени" в печатном его виде Александр Пыпин - двоюродный брат Н.Г. Чернышевского, и не только родственник, а и человек к нему близкий, один из видных историков литературы и общественных движений - отозвался на публикацию большой статьей в июльской книге "Вестника Европы" того же, 1877 года, статьей горячей и вдохновенной. "Умный и именно правдивый рассказчик о действительной жизни" - таков в его глазах автор записок, прочитанных в журнале Бартенева. "Он судит просто и здраво и угадывает суждения позднейшей истории..." Читаешь Пыпина, а думаешь и о Чернышевском. Разве не так сказал бы об этом труде он? Однако до Чернышевского в его сибирском далеке "Русский архив" мог и не дойти. Во всяком случае, так скоро... Что касается А.Н. Пыпина, то полного текста повествования Г.С. Винского не привелось прочесть и ему. Потому-то, думается, параллель "Радищев - Винский" оказалась за пределами его обстоятельного разбора.

Лишь мимоходом коснулся этой параллели Павел Елисеевич Щеголев, которому все мы обязаны первой книжной публикацией "Моего времени" - в "Библиотеке мемуаров" петербургского издательства "Огни" (напомню: в 1914-м). Труд Винского, личность Винского Щеголев оценил по достоинству и без всяких колебаний: "Записки Григория Степановича Винского являются одним из самых любопытных и замечательных памятников русской мемуарной литературы". Радищев в очень коротком издательском предисловии к этой книге упоминается только однажды, и то в скобках: "Он пишет со всеми особенностями господствовавшей тогда литературной манеры (сравн. Радищева), но за этой манерой чувствуется не подражатель, а создатель..." Щеголев, как и Пыпин, "полного Винского" не читал и не видел: записки он печатал по "Русскому архиву". Со страниц того же журнала перенес он в книгу, поместив в приложении, составленный мемуаристом "Проект о усилении российской с Верхнею Азиею торговли через Хиву и Бухарию". Эту работу редактор-издатель библиотеки "Огни" назвал "небезынтересной для его (Винского) характеристики".

Единственное "собрание сочинений" Винского состоялось, таким образом, около восьмидесяти лет назад, тиражом более чем скромным. До полноты ему было несказанно далеко.

4.

А.И. Тургенев читал "Мое время" в рукописи. Подлинной? В пользу такого предположения говорило многое. Неужто не сохранилась, исчезла безвозвратно?

П.И. Бартенева имел в своем распоряжении "современную перебеленную рукопись" - точнее, список, копию, доставшуюся ему после А.Н. Афанасьева (популярнейшего издателя памятников народного творчества, теоретика фольклора, историка литературы и историка вообще). Разницу между автографом и копией Бартенева знал лучше других.

След "тургеневского" экземпляра затерялся. Его, по сути дела, и не искали, вполне довольствуясь тем, что записки Винского увидели, наконец, свет. Со временем перешла в разряд "неизвестных" и "современная перебеленная". Где она сейчас? Бартенева с реликвиями не расставался, хранил их бережно, как самое дорогое. (Фонд 46 в Центральном Государственном архиве литературы и искусства поистине необъятен...)

Найти рукопись, отыскать список - значит восстановить то, что вымарала цензура, что оказалось утраченным на многотрудном пути произведения к читателю. Есть для этого и еще одна, дополнительная (вполне реальная!) возможность: окунуться в фонды цензурного ведомства, его переписку соответствующего года и... Но нет, загадывать не стану - бывает всякое.

"Еще одна рукопись Записок находится в библиотеке Университета св. Владимира (указание у В.С. Иконникова - "Опыт русской историографии", т.1, ч.1, с. 345). Эта рукопись осталась недоступной для нашего издания..." Такое сообщение сделал в своем предисловии П.Е. Щеголев. Новая загадка! "Хороший экземпляр с дополнением из записок Массони", о котором в 1892 году упомянул в своем труде профессор истории Киевского университета Владимир Степанович Иконников, мог быть еще одним списком с оригинала Винского, а мог и самим автографом. Да еще с приложением "из записок Массони", которые, возможно, представят и Винского-переводчика... (В Киеве - двух его крупнейших хранилищах - фонд Иконникова насчитывает более 6000 дел. Океан...)

... Чем дальше, тем больше убеждался: искать нужно широким фронтом, причем по всей стране. Однако куда направить искательские щупы раньше? Какой архивный пласт поднимать прежде? Думалось всего более о полном тексте "Моего времени" - том (или таком), который вызвал восхищение А.И. Тургенева, а П.И. Бартенева заставил вспомнить радищевское "Путешествие из Петербурга в Москву".

Бартенева вспоминался чаще других. Это и предредило направление шага

следующего: поиска в Москве, в ЦГАЛИ, с продолжением в Центральном Государственном Историческом архиве Петербурга, где сосредоточен и фонд Цензурного комитета.

Увы, протограф "Моего времени" в "бартеневском" фонде 46 мне обнаружить не удалось. Обрадовался было, натолкнувшись на дело под названием "Корректирующие гранки разных произведений с правкой П.И. Бартенева", но из Винского в нем не оказалось ничего (хотя оказаться могло, так как группировались здесь, главным образом, гранки с пометами "Цензура. Запрещенное"). Бартнев сберег многие письма, касавшиеся публикации записок: от П.А. Вяземского, Я.К. Грота, читателей из разных мест России; каждое несло в себе нечто важное, однако даже все они вместе не могли заставить забыть о том, что виделось и наяву, и во сне.

Может оказаться "крамольные" страницы записок в ЦГИА?

Дело канцелярии Главного управления по делам печати "По изданию в Москве журнала "Русский архив" легло на мой стол в крупнейшем питерском архиве подшивкой весьма внушительной. Почти полтора десятка телеграмм, писем, донесений, рапортов касалось ареста второй, февральской книжки с продолжением и окончанием "Моего времени". Арест был вызван тем, что оказалось на 161-172 страницах, расцененных цензорами как "язвительное глумление" над "правительственными распоряжениями" и "личными качествами" Екатерины II, как острейший "пасквиль" в адрес "самой государыни".

Представленного "второго номера" подшито не было, и все-таки официальное донесение Московского цензурного комитета стало второй, после тургеневской, более или менее подробной характеристикой не урезанного текста записок Винского. Бегло, пунктирно, но вполне определенно раскрывалась в нем структура (и логика) "непозволительных" мест, подлежащих безусловному изъятию и уничтожению. Ссылки на журнальные страницы восстанавливали последовательность авторского изложения: тут Винский "всею силою своего негодования" обрушивается на аморализм императрицы, тут называет "кукольную игру" составление Уложения, тут высказывает свое - противоположное принятому - мнение о разделе Польши, о "княжне Таракановой" и снова ("в самых кровавых красках") о самой Екатерине II. Отыскался бы полный и подлинный текст!..

В деле N 156 фонда 776 ЦГИА я его не нашел.

Кутерьма с арестом журнала продолжалась более месяца. Только убедившись, что

недозволенные места "исключены из всех 2000 экземпляров", дали в Петербурге дозволение выпустить номер в свет.

...Рукопись... список... неурезанный журнальный текст... Где они? Отыщутся ли?

5.

И снова город на Неве. Но теперь мой путь лежит уже не к Медному всаднику - за ним здания ЦГИА, а на Васильевский остров - в Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук. Через час-два там откроется очередная Пушкинская конференция. Как обычно, она будет проходить в конференц-зале на втором этаже. А на первом, в Отделе рукописей, - там, где "весь Пушкин", где фантастическое количество всевозможных богатств отечественной и мировой словесности, - хранится среди прочих фонд братьев Тургеневых. Что принесет мне знакомство с ним?

...Нет для исследователя большей радости, чем искать, и высшего счастья, чем находить. Сколько раз бывал я здесь и как часто был в этом зале счастлив! Ведь тут удалось мне найти и новые материалы для книг о Тарасе Шевченко, и многое важное о декабристах. Прежде всего

- рукопись интереснейшего литературного труда "Записки Несчастливого, содержащие Путешествие в Сибирь по канату". Автор записок - один из руководителей Оренбургского тайного общества В.П. Колесников. Однако своим существованием повествование обязано декабристу В.И. Штейнгейлю, записавшему и обработавшему рассказы Колесникова, подготовившему их к долгим встречам с читателями. Этим встречам препятствовали. И в "Русской старине", и в издании, осуществленном П.Е. Щеголевым в 1914 году, "Записки..." оказались с многоточиями вместо слов, предложений, абзацев и даже целых страниц. находка рукописи помогла вернуть произведению его гневное полнозвучие - обличение деспотизма. К 150-летию восстания декабристов "Записки Несчастливого..." впервые увидели свет в первоизданном их виде. Между публикациями 1914-го и новой, полной прошло немногим более шестидесяти лет. Можно ли сейчас - не слишком ли наивно - рассчитывать на "дубль"?

...Есть! Указатель к архиву Тургеневых, как отменно работающее справочное бюро, выдает лаконичный и предельно четкий "адрес" Винского: фонд 309, дело N 1151. Еще не веря в удачу, беру вскоре в руки книгу большого формата, в картонном Переплете

с кожаным корешком.

"Рассказ малороссийского дворянина

Григория Степановича Винского.

подарен Николаю Ивановичу Тургеневу

1858 года мая 29/17

Париж".

Над рукописным текстом начала - название: "Мое время". Выше -надпись: "Принадлежит Александру Михайловичу Тургеневу". Следовательно, первым владельцем записок был Тургенев А.М., начальник пограничного таможенного округа в Астрахани, добрый знакомый Винского (упоминание о нем промелькнуло еще у Бартенева) . Тургенев Александр Иванович, его родственник, судя по всему, пользовался рукописью не как владелец, а как читатель - правда, без ограничения срока пользования и обязательств по скорому возврату, После его смерти рукопись вернулась к владельцу, который за пять лет до своей кончины, уже в глубокой старости, передал ее навсегда Тургеневу Николаю Ивановичу - декабристу, политическому изгнаннику. Произошло это во время их встречи в Париже.

Открытие нового началось для меня с первой же страницы.

Не о небольших разночтениях речь - их множество, все не упомянешь; при подготовке записок к печати - изданию по рукописи, в полном и выверенном виде - все они будут учтены, авторская воля восторжествует.

Сейчас речь о самом существенном. Начиная с выпавших из введения слов, обращенных к "святой Мати Правде" - их можно публиковать и как эпиграф ко всему жизнеописанию Винского: "О *святая Мати Правда!* пречистый Пария говорит: "тебя понимают одни добрые сердца". Пусть же одни добрые люди меня читают, меня судят и меня осуждают, ежели найдут тебе не верным..." Да, всего важнее восстановление мест, которые не увидели света. Не терпелось прочесть их тотчас, немедленно, однако я не позволял себе торопиться, забегать вперед. Всему свое время. Доберусь и до них.

...В донесении Московского цензурного комитета первым тяжким "грехом" автора (и журнала "Русский архив") было объявлено описание "знакомства с заключенными, между прочим и с Брещинским, который судился за оклеветание государыни-

императрицы Екатерины II". Суть своего "преступления" Брежневский открыл Винскому перед судом, мы же можем услышать его рассказ только сейчас, читая повествование в рукописи: цензура добилась своего и эти страницы убрала. Страницы, содержащие обличение нравов екатерининского двора с его, часто менявшимися, фаворитами-временщиками и царившим там распутством.

".. .Винский обрушивается всею силою своего негодования на неправоудие Государыни, отрицает личные высокие ее качества, резко осуждает ее распоряжения по отобранию имений у монастырей, которые, в нарушение своего слова, раздавала своим любимцам, доказывает, что она была обрадована убийством принца Иоанна Антоновича, называет созвание депутатов для составления Уложения кукольною игрою, выставляет раздел Польши как грабеж и насилие, на вывезенную из Италии графом Орловым дочь Елизаветы Петровны, так называемую княжну Тараканову, смотрит как на напрасную жертву честолюбия Екатерины II, а на саму Государыню как на чужеземку, хищнически захватившую престол у императрицы Елизаветы..."

Известных нам в таком цензорском пересказе страниц ни "Русский архив", ни книга 1914 года не содержит. Их будто и не было. Отзвучали последние слова приговора ("Винского в Оренбург, на вечное житье"), мемуарист сообщает о том, как осужденные были отправлены, - и... сам путь, все дальнейшее. Меж тем есть еще, оказывается, многое такое, что с особой глубиной раскрывает суть взглядов автора "Моего времени". Взглядов! движения мысли!

Не желая портить прекрасный и в высшей степени ответственный текст пересказом, предлагаю читателю первую публикацию фрагментов страниц, казенных царской цензурой. Казенных и - воскресающих!..

6.

...Так совершился гибельнейший для меня переворот. Я описать старался его с мельчайшими, даже скучными, подробностями, дабы показать чувствительному читателю в самых малостях, как ничего не значили дети у Премилосердья Матери, и что непрестанно, на разные распевы провозглашаемое, правосудие Российския Минервы было не что иное, как нарядное разбойничество.

По извету, что кто-нибудь намерен из банка занять денег, но занял или нет, неизвестно - скажите, кто лучше это знает, - можно ли посему кого-нибудь взять под

стражу? - а я точно по сему взят. Положим: "для вида Правительства необходимо бы то было". - Но можно ли с равелинскою жестокостию поступать с тем, кто задерживается для банка? - При допросе позволено ли именем Императрицы обольщать подсудимого или расставлять ему ловушки? - После допроса можно ли подсудимого содержать 15 месяцев понапрасну под стражею? - В деле, после следствия, поступающем в суд, не тем ли оно начинается, что подсудимый подтверждает свои допросы, или передопрашивается; почему у нас сие было отнято? - В приговоре не должны ясно быть показаны преступления подсудимого и закон, по которому он наказывается? - Почему же в конфирмации о том ни слова? Может быть председатель боялся опоздать к обеду, для того не хотел читать доклада? - Нет, читать было нечего; ибо и в бумагах, с которыми я приехал в Оренбург, об винах моих ни слова... И, наконец, почему избран не только не присудственный, но большого праздника день, для объявления нам ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО бесчеловечия? - Дабы..., дабы... по возможности укрыть приговор сострадательного Правосудия. Нет, нет, и на смертном одре скажу: "Судили меня неправосудно, приговорили бесчеловечно".

Родившись в стране порабощенной, воспитанный у монахов, определенный начать мнимую отечеству службу между мамелюками, не издавши, не слыхавши и не читавши ничего кроме рабственного, не имевши ни малейшего понятия о страшном животном - человеке, еще меньше о составе обществ, законах, властях, правительствах, я вопиющую несправедливость, причиненную мне правосудием, принял с истинным скотским равнодушием: ни единой жалобы против моих обидчиков, ни единого проклятия на синклит разбойников, на их Атамана, на их Повелительницу; одно сожаление о потере вольности и удалении в суровую сторону наполнило всю мою сущность; я плакал, как ребенок, и повиновался как вол.

Много протекло времени, прежде нежели набрел я на способы, чтобы видеть дела и делателей в их настоящем виде, вознегодовал, оскорбился, видя себя столь бессовестно обиженным, успокоился, утих, узнавши, что моей братии, жертв правосудия, несравненно безвиннейших меня, во все времена, во всех правительствах, во всех народах премногие тысячи изгнаны, зарезаны, удушены, живые сожжены и проч., и проч...

...Знаю, что многие вознегодуют на меня за жесткие выражения начет премудрыя; но сим обожателям великия, скажу: Правда есть мой Бог; она не всегда бывает выглажена; к тому, тысячам ложных похвал великий ли причинят ущерб несколько десятков истинных укоризн.

...Екатерина, главное лицо, приближалась уже в сие время к своему перигею. В

игре становилась она от часу искуснее; похвалы и рукоплескания раздавались ей со всех концов Европы. Роли играла разные и довольно удачно. После занятия престола обратила на короткое время свое внимание на внутренние дела. Отобранные Петром Третьим у монастырей деревни, возвращенные при начале ее правительствования, скоро опять отняты под предлогом, что прежний отбор учинен был не основательно. Она же для сих имений учредила особый Приказ, обещавши торжественно: имении сии, как священную собственность, сохранять в ненарушимой целости, никогда не смешивать их с другими имениями, считать их вечно монастырскими и доходы от них употреблять на одно содержание монастырей, монахов, школ, больниц и других Богу угодных заведений, между которыми очень скоро поместила графа Орлова, пожаловавши ему, в вечное и потомственное владение, в Ростовском уезде 10 тысяч лучших экономических крестьян. Тайную Канцелярию, Петром же уничтоженную, хотя не восстановила, но вместо ее учредила при Сенате Секретную Коллегию, под непосредственным начальствованием князя Вяземского, и производство дел поручила славному кровопийце Шешковскому. Пытки публичной, конечно, не отмени; но что творилось в Равелине Св. Иоанна, на домах Вяземского и Шешковского, это и в розыскных приказах едва ли случалось...

...Вознамерившись обозреть Империю, начало учинила Лифляндиею; но скоро возвратилась в С.-Петербург, по причине происшествия, затеянного Мировичем, следствием коего было убиение злощасного Иоанна Антоновича. Сколько изъявила публичными отзывами, на словах и на бумаге, сожаления о сем напрасном убийстве, столько душевно благоволила об оном; о чем заключали все по значительным награждениям, учиненным Савелову и Чевкину, палачам несчастного принца...

...Задумавши сделаться законодательницею, повелела во всем государстве избрать от всех сословий по одному депутату, для сочинения, по ее Наказу, законов. В ожидании же прибытия их в Москву, сама изволила предпринять путешествие по Волге, на великолепных галерах, с блистательною и многочисленною свитою... Возвратившись в Москву, открыла величественную кукольную игру законодательства... Дело началось довольно торопливо, длилось около года, потом вдруг Комиссия сокращена в двенадцать членов, под начальствованием князя Вяземского, а прочие депутаты распущены по домам: одни, подверженные немилости за неуместную стойкость, другие награжденные пожалованиями за догадливую подлость. Из всего, происходившего в сей Комиссии, достопамятнейшим может почесться публичное прение князя Щербатова, защищавшего рабство крестьян, с депутатом Карабыным, говорившим за их вольность, которое прекращено было без

дальнейших пустословии объявленной чрез Вяземского волею Государыни о сем не говорить. Рукопись императрицыной десницы, положенная в драгоценный ковчег, отдана для сохранения в Сенат; сочинение же Законов, под разными названиями, под разными начальниками, разными Немецкими Салонами продолжается по сей день...

7.

Это лишь несколько выписок из страниц, осужденных цензурой на уничтожение. Последней начинается довольно обширная глава, обозначаемая тем самым, долгожданным авторским подзаголовком "Русские Фоксы и Шериданы". Жизнь, нравы, эпоха для Винского "великолепный и многоличный Театр". Свою роль в нем он оценивает как "самую мелочную", но тут же вполне уверенно утверждает: "оспорить меня никто, по справедливости, не может".

Не может в том, что касается внутренней политики Екатерины II (и ее преемников), что относится к характеристике политики внешней (какие слова он находит! например: "насилие не именуется справедливостию, грабеж обогащением ограбленных, угнетение благоденствием угнетенных"...), что, наконец, связано уже не с "публичными делами", а с "частными" (из числа "со всевозможным тщанием утаенных"). Эти, "частные", представлены, прежде всего, историей "княжны Таракановой" (Винский к этой истории впервые приобщился в крепости, когда оказался в камере, где за несколько лет до него томилась она, "совершенно напрасная жертва честолюбия Екатеринина").

...Нет, первопубликация неизвестного в "Моем времени" пока не закончена. Публицистическому накалу нарастать, крепнуть. И кому как не читателю в том убедиться? Убедиться, читая уже следующие страницы записок, которые в этой книге публикуются полностью.

Страницы о князе Голицыне и истории, происшедшей с ним, когда Потемкин без оснований заподозрил, что тот готов занять его место фаворита императрицы... о несказанно скором возвышении Безбородка... о засилии иностранцев ("С.-Петербург, как бы рассадник всех сих нечистых растений, расположил их по всей Империи")... о бурном и своевольном производстве в чины ("одни только честные да ленивые их не получали")...

Впрочем, продолжение этого читателю уже известно. Оно приведено в самом начале этого вступительного очерка. Приведено без сокращений, явно риторическим - по

окончании - вопросом: усомнился бы кто-то, прочтя или услышав, что строки, исполненные великого гнева, принадлежат Радищеву?

- Вечное проклятие ей, и всегдашнее поношение вам!..

Радищевская страсть и сила звучат со страниц, которые удалось мне прочесть.

Но, быть может, звучат лишь для меня?

...Долгожданная встреча, наконец-то, состоялась. Рукопись в картонном переплете открыла Винского в подлинном его облике -полнозвучного, дерзновенного, борющегося. Предпринятые шаги оказались не напрасными. Значит, все? Конечная цель достигнута?

А что за рукопись в Киеве?

Ни на день не выходило у меня из головы сообщение П.Е. Щеголева о рукописи, которая некогда находилась "в библиотеке Университета св. Владимира".

Щеголев ее не видел. Однако она там была. И не только в начале 90-х годов, когда назвал ее профессор Иконников, а и двадцать лет спустя: в "Обзоре рукописей библиотеки Императорского Университета св. Владимира" (Киев, 1910) она значится под сдвоенным номером "140(195)". Но и от 1910 года отделяет нас более восьмидесяти лет, притом каких еще лет - с революциями и войнами, каждая из которых коснулась Киева своим размахистым крылом, оставила на 1500-летнем богатыре свои, глубочайшие отметины. Знаю: Библиотека жива, процветает - одна из лучших теперь в мире. Только можно ли поручиться, что из старого сохранилось все?

И вот очередная поездка в Киев, и снова я поднимаюсь по ступеням хорошо мне знакомой Центральной Научной библиотеки Академии наук Украины, вхожу в ее богатейший Отдел рукописей, жму руку Николаю Петровичу Визирю - давнему и доброму моему товарищу-советчику в поисках. Многое здесь отыскано. Удастся ли поиск этот?

8.

Титульный лист: "Мое время".

Но еще до титула, на листе, ему предшествующем, меня ожидает сюрприз. Тут вклеен исписанный с обеих сторон листок. Он посвящен Винскому и этой рукописи. Читаю:

"Винский умер в Астрахани в 1818-м году и погребен на общем кладбище.

Ему поставлен памятник, на котором написаны стихи сочинения самого Винского:

*Бог дал мне свет ума,
Я истины искал
Но видел ложь везде.
Светильник погашаю.
Бог дал мне сердце.
Я страдал.
И сердце Богу возвращаю.*

Бога, как говорят, не признавал, равно как и души, и потому-то в стихах упомянуто только о сердце..."

Важно все: а) точный год смерти (вместо расплывчатого "после 1818", б) стихотворение "сочинения самого Винского", в) свидетельство об отношении к религии.

Тем более важно, что восходит рукопись к источникам семейным, а, следовательно, самым достоверным: а) переписано рукою зятя, Я.М. Сизова, б) "списывал" он непосредственно с записок Винского, "которые пропали".

После смерти Сизова в 1880-м записки переходили из рук в руки, но все в кругу семьи, от одного потомка к другому, пока, уже в 80-е годы, не попали в университетскую библиотеку.

...Не автограф и это. Но - список, сделанный непосредственно с оригинала. Большинство листов высвечивает: "1815". Водяные знаки на бумаге - косвенное свидетельство "возраста" списка. Он, выходит, выполнен сразу же после того, как "Мое время" оказалось написанным. Значит, еще при жизни автора.

Теперь, когда списков два (Пушкинского Дома и Библиотеки Академии наук Украины), есть возможность сравнить, сопоставить и их между собою, и их с печатными воспроизведениями. Это даст возможность решить - притом с научной основательностью - вопрос о тексте каноническом, достойном изданий и переизданий. Конечно, анализ по всем правилам весьма строгой (и точной) науки текстологии проводить не здесь и не сейчас... А все ж искус сопоставления, сравнения неудержим!

В главном списке одинаковы. И все-таки первоосновой - вслед за утраченным оригиналом - является киевский. Наверняка более ранний. Не исключено, что авторизированный. Подчеркнуто расшифрованный там, где автор прибег к точкам и многоточиям вместо букв или полных имен. Содержащий в себе имена и слова, которые

при последующем переписывании выпали, исчезли.

Скажем, во "Введении".

У обоих списков есть небольшие расхождения в синтаксисе. Сопоставляя, вчитываясь, вдруг начинаешь слышать голос, интонацию Винского и понимать, как стремился он к сохранению на бумаге живого, непринужденного разговорного стиля. Отсюда изобилие знаков: многоточия, вопросы, восклицания, "лишние", на первый взгляд, запятые; отсюда длинные периоды, которые можно было бы разделить на две, три, пять частей, однако... в ущерб его интонации, его индивидуальной манере говорить, доказывать, убеждать. Сизов, переписывая, это понял с самого начала. Переписчик второго экземпляра пытался что-то подтянуть к общепринятой стилистике. "Чуть-чуть" подтянуть, но... к чему?

Публикация Бартенева:

"Я намереваюсь писать о себе, для себя, для своих; следовательно, я буду писать, как умею, не поставляя себе образцами ни Ксенофонов, ни Титов-Ливиев, ниже К... Слог мой, подобно деяниям, будет прост, но правдив, в чем призываю на помощь мою богиню, истину",

Петербургский список:

а) следовательно я буду писать - как умею...", б) "ни Титов Ливиев.,", в) "в чем призываю на помощь мою богиню Истину". *Киевский экземпляр:*

"Я намереваюсь писать о себе, для себя, для своих; следовательно я буду писать, как умею, не поставляя себе образцами ни Ксенофонов, ни Титов Ливиев, ни Волтеров, ниже Карамзиных. Слог мой, подобно деяниям, будет прост, но правдив; в чем призываю на помощь мою богиню Истину".

Что от Винского? Его, и только его? Конечно, последнее. Переписчик, по своей воле, Вольтера бы не вставил, да и заполнять многоточие после "К" не стал. Кстати, тут полная фамилия Карамзина вынесена еще и на поля... Список, которым пользовался Бартнев, явно исходил не от этого, так сказать "семейного", экземпляра, но, скорее, от иного, основывающегося на "тургеневском" (без Вольтера).

Раньше я обронил, что список в Центральной Научной библиотеке АН Украины мог быть и авторизованным. Откуда это предположение? Оно вытекает не только из времени переписки и точного знания того, кто переписывал, но и из некоторых помет в тексте - помет характера сугубо "авторского".

...В списке, выполненном Я.М. Сизовым, "Мое время" завершается не

многообразием незаконченности или случайного обрыва повествования (как полагаешь, читая Записки в журнале и книге), но твердой, уверенной точкой: глава ("Тринадцать лет или Средние годы"), а с нею, быть может, и первая часть, пришли к концу.

Но труд не закончен - это явно. Начиная его, Винский писал: "Я хочу писать мою жизнь и какие мне памятли важнейшие, случившиеся в течение оной происшествия". *В течение жизни!*.. А прочитанное доводит повествование лишь до 1794-го. Значит, до начала предпринятой Винским работы над его главным литературным трудом остается *двадцать лет*, причем таких, которые вместили в себя многое: и еще одно десятилетие ссылки, и освобождение по амнистии от дальнейшего наказания, и поездку на полгода в Петербург, и службу во всякого рода учреждениях губернии. Это, так сказать, канва. "Вышивая" по ней, автор мог поведать о встречах сторонников Н.И. Новикова, о П.Е. Величко и других прогрессивных, свободомыслящих людях края, об Отечественной войне 1812 года... - обо всем, что стало для него олицетворением Времени. Не мельча ("ничтожность не занимательна, следовательно, не может быть продолжительна"), но и не упуская сколько-нибудь важного ("пиши, сыскав себе предмет и что ты лучше знаешь). Человек и Эпоха - вот направление его мысли. Не "человек вообще" - он сам. ("Порфирородный жил, имел свое время; я живу, имею мое; итак, каждому свое"). Детство и юношество описаны, молодость и средние годы тоже, впереди в повествовании - лета зрелости и лета старости, в общем то, что за пределами достигнутых сорока. "Теперь имея 61 год от рождения, я многих еще заставлю себе завидовать по наружности; а внутренне? О? я еще живу". Живет не просто сам по себе, а и во времени. *Своем* Времени...

Честно говоря, взяв в руки этот рукописный том, я надеялся на встречу с последующими страницами "Моего времени". Но... записки закончились на листе 66-м. Чистый "оборот", чистые листы 67-73 (предполагалось поместить еще что-то?), а далее, с 74-го, начался Винский-переводчик. И уже до самого конца шли переводы из К. Массона - они, и только они.

9.

Переводчик родился в нем ранее писателя ("в средних моих летах я много писал, перелагая из иноземных на отечественный язык истины, тогда у нас неизвестные"). Тут же переводчик подстроился вослед писателю... Случайность? Прихоть переписчика? А,

может, и не прихоть - дань логике?

... "Писателем о России" назвал Массона тот же А.И. Тургенев. Карл Массон (1762-1807), писатель-публицист, уроженец Женевы, в 1786-1796 годах служил в Петербурге - сначала преподавателем в артиллерийском инженерном кадетском корпусе, а затем воспитателем и учителем сыновей генерал-аншефа Салтыкова, часто занимавшихся совместно с великими князьями Александром и Константином Павловичами, и, наконец, секретарем будущего самодержца Александра I. Он многое видел и знал, а обо всем узанном судил самостоятельно, смело.

По всей Европе его узнали, прежде всего, после выхода в свет главного произведения жизни - "Memoires secrets sur la Russie pendant les regnes de Catherine et de Paul I", выпущенного в трех томах в Париже (1800-1802); четвертый, дополнительный том вышел из печати годом позже в Амстердаме. Написанные и опубликованные на французском, "Секретные записки о России и в частности о конце царствования Екатерины II и правления Павла I" почти тотчас вышли в переводе на немецкий, английский, датский языки, вызвали гул откликов, привлекли всеобщее внимание в европейских странах, но оказались перед наглухо закрытыми для них воротами Российской империи, о нравах которой рассказывали с болью и страстью обличения.

Немногие экземпляры, однако, проникли в Россию сразу по издании в Париже. Совсем скоро прочел их и Винский в своем степном оренбургском далеке. Без промедления взялся он за перевод - для распространения среди близких ему по духу людей. (Как не вспомнить тут членов кружка П.Е. Величко - в будущем "Оренбургского тайного общества"!). Прочтя тома, он переводит не все, не подряд, а буквально - отбирает то, что созвучно его собственным мыслям, что соответствует его личным взглядам на людей и время. Винский не поддается искусству буквализма, ищет свои "эквиваленты смысла", излагает положения автора свободно, вносит в перевод то, чем живет сам. "Секретные записки..." становятся произведением не только Массона, но и самого переводчика. И что тоже важно - уже в 1802 году им были переведены весьма солидные фрагменты. Оперативность удивительная!..

...Последуем по страницам перевода, включенного в список Библиотеки АН Украины. Прочтем вместе хотя бы некоторые места, не ставя перед собой задачу сопоставления, но стараясь почувствовать всю остроту обличения и у Массона, и у Винского (в данном случае - прежде всего - Винского).

"...Царствование ее было блистательно и счастливо для нее и ее двора; но и конец

особенно был весьма пагубен для народов и государства. Все части правительственной машины расшатались, все пружины ослабли: каждый генерал, каждый губернатор, каждый начальник стали особенными своевольниками. Чины, правосудие, безнаказанность продавались с молотка: около двадцати сатрапов под кровом любимца делили между собою Россию, грабили сами, попускали грабить доходы и ссорились из-за добычи, отнятые у несчастных. Подлейшие служки, самые рабы наживали с неимоверною скоростью чины, достоинства, богатства... Никогда... грабеж не бывал ни столько всеобщ, ни столько удобен... Начиная с верховного любимца до последнего пищика, все почитали государственные имения своими рудниками, из которых каждый вынимал для себя по силе, по умению, по возможности; иные же с таким бесстыдством пушались в хищение, как чернь на быка, выставяемого для нее в некоторые праздники... Их можно было смело называть последнейшею подлостью в государстве".

"...Революция французская, бывши толико пагубна королям, особенный вред причинила Екатерине. Сияние, скоропостижно вырвавшееся из недра Франции, как бы из пожирающего жерла, бросивши на Россию бледный как молния свет, обнаружило в ней неправду, злодеяния и кровь, где прежде видели величие, славу и добродетели. Екатерина затрепетала от страха и негодования: сии французы, сии провозвестники ее славы, сии блистательные и льстивые повествователи, имеющие передать чудеса ее царствования потомству, вдруг стали для нее страшными неумолимыми судьями... Судьба ей сулила, заснувшей на лаврах, проснуться на трупах; слава, которую думала она обнимать, преобразилась в ее царственных руках фуриею..."

"О, Екатерина!.. Звук оков твоих тридцати миллионов рабов меня оглушает; неправда и злодеяние, царствовавшие твоим именем, приводят меня в негодование; я бросаю мое перо и вопию: да не будет впредь славы без добродетели и пусть порок и неправда, ежели им должно восседать на тронах, восходят на оные, увенчанные змиями Немезиды".

Швейцарец Массон писал по-французски. Украинец по рождению Винский переводил на русский. Его переводил и - себя: свои чувства, свои взгляды. Написать такое от собственного имени значило оказаться перед пропастью, подвергнуть себя риску неминуемой расправы, еще более жестокой, чем та, которая обернулась для него десятилетиями неволи в Богом забытом крае. Перевод же - относительно "легальная" форма высказать свое, сокровенное. Винский переводил в Массоне то, с чем был безусловно согласен сам. Переводил пристрастно, темпераментно - так, как со временем

стал писать оригинальное. Для него это являлось и пробой сил, и пробой голоса. Голоса, который зазвучит под конец жизни в "Моем времени"...

За Массона, его "Секретные записки о России", Винский взялся не как за произведение историческое. Нет и нет, - он писал сугубо современное, жгуче современное.

Со времени смерти Екатерины II - в конце 1796 года - минуло только пять лет. За это пятилетие успел поцарствовать - и тоже уйти в небытие - Павел I. На престоле утвердился новый монарх - Александр I.

Как раз в тот год, когда Винский раздумывал над своим переводом-переложением, Радищев писал оставшуюся незаконченной поэму "Песнь историческая", а в ней такие строки:

*Ах, сия ли участь смертных,
Что и казнь тирана люта
Не спасает их от бедствий;
Коль мучительство нагнуло
Во ярем высоко выю,
То что нужды, кто им правит?
Вождь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет.
И как будто бы в насмешку
Роду смертных, тиран новый
Будет благ и будет кроток;
Но надолго ль? - На мгновенье...*

Это писано под конец его многотрудной жизни: в сентябре 1802 года Радищев покончил с собою, произнеся напоследок вещице свои слова - "Потомство за меня отомстит".

1802-й стал для Винского годом первого *датированного* произведения. Того самого перевода, в раздумьях о котором пребываю я сейчас. И как не думать о Радищеве, читая у Винского, его переводе, такое, уже из времен Павла I:

"Слух, разнесшийся, что Павел хочет ограничить власть помещиков над их рабами и учредить их работы и доходы от них как с коронных, произвел повсеместную радость. В сие время один офицер Федосеев, едущий из Петербурга к своему полку в Оренбург, по дороге, как обыкновенно случается, был крестьянами вопрошаем об столичных

происшествиях; он рассказывает, что видел, и сказывает, что слышал об указе, имеющем быть скоро обнаруженным касательно крестьян. От сего разносится молва, и несмысленные хлебопашцы в Твери и Новгороде пушаются в необдуманную радость; начинают по обыкновению русскому питьем, шумом, драками, непослушанием изъяслять свое преждевременное веселие. Помещики принимаются их усмирять строгостями и жестокостями; сие доводит до явного неповиновения. Открывают причину их заблуждения. Для усмирения их посылается Репнин с войсками; офицер же - производитель сей ложной надежды и рассеявший ее невинно - догнан, закован в железы, возвращен в столицу как заводчик бунтов и проповедник вольности. Кто может слушать, не содрогаясь от негодования: Санкт-Петербургский Сенат приговорил его к смерти; но как смертная казнь тогда еще была не введена, он осудил его разжаловать, высечь кнутом и послать вечно в работу, ежели останется он жив после наказания. Павел подтвердил сие лютое осуждение..."

Да не упрекнет меня читатель в непомерном порою цитировании. Где еще мог он пока прочесть это?

***

Путь к Григорию Винскому лежит через архивы и книги, через раздумья над тем, что отыскано и - пока не отыскано, написано и - не написано, не состоялось.

Десятками страниц, извлеченных из небытия, из забвения, клеймит, обличает он самодержавие - то самое "чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лай", разоблачению которого посвятил всего себя его великий современник.

Не все и в творчестве, и в биографии Винского поддается расшифровке - между нами два века. Но он притягивает меня все больше. Притягивает как свободолоб, мыслитель, писатель.

Как личность из нашего прошлого, не утратившая своего значения ни для настоящего, ни для будущего.